

БОР. ПИЛЬНЯК

МЕТЕЛЬ

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“

№ 137

АКЦ. ИЗДАТ. О-ВО „ОГОНЕК“
МОСКВА—1926

<p>КАЙЕННА А. ЛОНДР</p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОЮЗДЕПРЕСС» № 1</p>	<p>ВОЙНА БУДУЩЕГО А. РИНОЛД</p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОЮЗДЕПРЕСС» № 2</p>	<p>ОБЕЗЬЯНИЙ ЯЗЫК НИХ ВОШЕНКО</p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОЮЗДЕПРЕСС» № 3</p>	<p>А. АНУПОВСКИЙ • А. СЕДЫН АНАТОЛЬ ФРАНС</p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОЮЗДЕПРЕСС» № 4</p>
<p>РАССКАЗЫ И БАБЕЛЯ</p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОЮЗДЕПРЕСС» № 5</p>	<p>Л. НИКУЛИН ВТОРАЯ МЕЩАНСКАЯ</p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОЮЗДЕПРЕСС» № 6</p>	<p>ДЖОН РИД ВОЙНА С КОЛОРАДО</p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОЮЗДЕПРЕСС» № 7</p>	<p>ЕФИМ ЗОЗУЛЯ РАССКАЗЫ</p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОЮЗДЕПРЕСС» № 8</p>
<p>МИН. КАШКАРОВ РАССКАЗЫ ОБ ОКТЯБРЕ</p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОЮЗДЕПРЕСС» № 9</p>	<p>ЛАРИССА РЕЙСНЕР АЗИАТСКИЕ ПОВЕСТИ</p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОЮЗДЕПРЕСС» № 10</p>	<p>МИХАИЛ ПРИШВИН СМЕРТНЫЙ ПРОБЕГ РАССКАЗЫ</p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОЮЗДЕПРЕСС» № 11</p>	<p>ЮРИЙ СОВОЛОВ НОВЫЙ ЧЕХОВ МАТЕРИАЛЫ ДОКЛАДОВ</p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОЮЗДЕПРЕСС» № 12</p>
<p>Л. В. ЗАЙКОВ НАУКА О ПОВЕДЕНИИ ЧЕЛОВЕКА</p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОЮЗДЕПРЕСС» № 13</p>	<p>АНДРЕЙ СОБОЛЬ КИТАЙСКИЕ ТЕНИ</p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОЮЗДЕПРЕСС» № 14</p>	<p>ВЕРА ИНБЕР РАССКАЗЫ</p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОЮЗДЕПРЕСС» № 15</p>	<p>А. И. СВИРСКИЙ НА ВОЛОСКЕ РАССКАЗ</p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОЮЗДЕПРЕСС» № 16</p>

<p>В. ШКЛОВСКИЙ КОНЕЦ ПОХОДА</p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОЮЗДЕПРЕСС» № 17</p>	<p>МИХАИЛ КОЛЬЦОВ ЗАПАДНЫЕ ПРОГУЛКИ</p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОЮЗДЕПРЕСС» № 18</p>	<p>РАССКАЗЫ С. ГЕХТА</p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОЮЗДЕПРЕСС» № 19</p>	<p>Л. О. КАРМЕН РАССКАЗЫ О ПЯТОМ ГОДЕ Д. СМЕРЛОВИЧ</p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОЮЗДЕПРЕСС» № 20</p>
<p>БОР. ПИЛЬНЯК SPERANZA</p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОЮЗДЕПРЕСС» № 21</p>	<p>ИЛЬЯ РЕНЦ ИЗВОЗНИК В ПЕНСНЭ</p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОЮЗДЕПРЕСС» № 22</p>	<p>М. ГОРЬКИЙ КАК СЛОЖИЛИ ПЕСИНО</p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОЮЗДЕПРЕСС» № 23</p>	<p>СЕРГЕЙ ЕСЕНИН ИЗБРАННЫЕ СТИХИ</p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОЮЗДЕПРЕСС» № 24</p>
<p>ЖАН ТУССЕЛЬ КАМЕНОТЕС РАССКАЗ ВЕРСИЯ В. ИЛЬМИНИ</p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОЮЗДЕПРЕСС» № 25</p>	<p>КЛОД МАКЖИ СУДОМ ЛИНЧА</p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОЮЗДЕПРЕСС» № 26</p>	<p>ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ ТРУ ВЪКА КОМУНАРА</p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОЮЗДЕПРЕСС» № 27</p>	<p>ОЛЬГА ФОРШ ОБЫВАТЕЛИ РАССКАЗЫ</p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОЮЗДЕПРЕСС» № 28</p>
<p>А. ЗОРИЧ О ЦВЕТНОЙ КАПУСТЕ</p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОЮЗДЕПРЕСС» № 29</p>	<p>НИКОЛАЙ АШУКИН КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ</p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОЮЗДЕПРЕСС» № 30</p>	<p>Л. МИТРИЧКИН БРАТВА</p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОЮЗДЕПРЕСС» № 31</p>	<p>ЖОЗЕФ КЕССЕЛЬ МЭРИ ИЗ КОРКА АРИЕНА Р. КЛАМЕР</p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОЮЗДЕПРЕСС» № 32</p>

<p>ДЕНЬ Т. МАРК</p> <p>МЕСС-МЕНД</p> <p>ВОЖДЬ ГЕРМАНИИ ЧЕКА</p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «ОГОНЕК» МОСКВА</p>	<p>И. А. КАРЛОВ</p> <p>ГРЫЗИКИ-ХОЗЯЙЧИКИ</p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «ОГОНЕК» МОСКВА</p>	<p>ВКОБ ВАССЕРМАН</p> <p>ЗОЛОТО</p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «ОГОНЕК» МОСКВА</p>	<p>А. БЕЗЫМЕНСКИЙ</p> <p>ИЗБРАННЫЕ СТИХИ</p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «ОГОНЕК» МОСКВА</p>
<p>КАРЛ РАДЕК</p> <p>СУН-ЯТ-СЕН</p> <p>К. В. ТАВСКОВ</p> <p>РАССКАЗЫ</p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «ОГОНЕК» МОСКВА</p>	<p>А. НОВИКОВ-ПРИКОП</p> <p>ПОД ЮЖНЫМ НЕБОМ</p> <p>РАССКАЗЫ</p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «ОГОНЕК» МОСКВА</p>	<p>М. ГОРЬКИЙ</p> <p>РОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА</p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «ОГОНЕК» МОСКВА</p>	<p>ВСЕВОЛОД ИВАНОВ</p> <p>КОГДА РАСЦВЕТАЕТ СОСНА</p> <p>РАССКАЗЫ И СКАЗКИ</p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «ОГОНЕК» МОСКВА</p>
<p>АЛЬБЕРТ СЫРКИН</p> <p>ПОД ВОСТОЧНОЙ ЗВЕЗДОЙ</p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «ОГОНЕК» МОСКВА</p>	<p>Л. СОСНОВСКИЙ</p> <p>О МУЗЫКЕ О ПРОЧЕМ</p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «ОГОНЕК» МОСКВА</p>	<p>В. РУСТАМ БЕК</p> <p>ПОЛЯРНЫЕ ЛЬДЫ</p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «ОГОНЕК» МОСКВА</p>	<p>В. МАЯКОВСКИ</p> <p>ОБЛАКО В ШТАНАХ</p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «ОГОНЕК» МОСКВА</p>
<p>МИХ. ЗОЩЕНКО</p> <p>ИЗВАНОВЫ КОЛОДЕЦКИ ЧЕШКИ РАССКАЗЫ</p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «ОГОНЕК» МОСКВА</p>	<p>ВЛ. ВАСИЛЕНКО</p> <p>РАССКАЗЫ</p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «ОГОНЕК» МОСКВА</p>	<p>ВЛ. ЛЕВИН</p> <p>РАССКАЗЫ О ДВАДЦАТОМ ГОДЕ</p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «ОГОНЕК» МОСКВА</p>	<p>М. ГОРЬКИЙ</p> <p>ДВА РАССКАЗА</p> <p>ИЗДАТЕЛЬСТВО «ОГОНЕК» МОСКВА</p>

БОР. ПИЛЬНЯК

М Е Т Е Л Ъ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ОГОНЕК»
МОСКВА—1926

Отпечатано
в Тип.-Лит. Акц. Изд. О-ва
„ОГОНЕК“. Москва,
Сретенка, Последний п., 26.
Тираж 50.000 экз.
Главлит № 59908.

Никто не знает, как правильно:
мятель или метель.

Глава первая.

Дьякон: Оставь, Николай! Оставь балаболство.

Сын: А позвольте спросить, папаша, чем, к примеру, Магомет хуже нашего бога? Давайте, папаша, рассудим. Японцы не хуже нас, а у них свой бог, забыл, как звать, идол такой. Вот у нас бог — православный, а у немцев — лютеранский. Все Иисус Христов, а чин ему разный.

Дьякон: Оставь, Николай! Оставь балаболство! Кто больше жил — ты или я?

Сын: Вы, папаша. Ну-к-что ж?

Дьякон: Ну, я больше жил, и боле тебе и знаю. Не глупее тебе.

Сын: Эти разговоры вы, папаша, тоже оставьте. Ваш дедушка жил боле вашего папаша, и умнее его. Ваш папаша жил боле вас, и умнее вашего. Вы жили боле мене. — А мои дети будут еще того дурее. — Таким манером весь народ скоро в дураки выйдет, — а пока этого не видать. Я так полагаю, что ежели бы Лазарь теперя воскрес, он первым бы делом под вагончик попал.

Дьякон: Пошел вон отселева, сукин сын!..

Ночь. Бани: холодно в бане. Дьякон с котом на печи, в тулупе и в блохах. Ночь — мрак. Бани — на задворках Спасской, что на Житной, у Кремлевского пролаза, церкви: святой Сергий Радонежский перенес отсюда монастырь на Реденеву Луку, там и посох его хранится. Дьякон от семьи в баню переселился, на задворки за Спасом, под самую кремлевскую стену. На кремлевской стене — крапива растет, это видно днем, пожухла теперь крапива. — Март или октябрь — все равно дьякону: мартовским ветром прошел октябрь по земле, — в марте снег еще лежит, посинел лишь от зимних стуж, пожухнул, канонный, как старик-старообрядец, а из-под него текут уже студеные ручьи, звонкие, светлые; это происходит так: снег буреет и рыхнет, копоть всей зимы выползает наружу, на него (в полях на снегу заячьи орешки валяются — крестьянские ребяташки собирают их, чтобы играть), внизу у земли снег прессуется в голубой ледок — и вот из него, из голубого ледка, течет студеная прозрачная вода, а над всем синее небо, теплое и звенящее жаворонком — днем, а ночью — в путь пошли миллионы новых звезд, хрустких, как ледок под ногою, и лай собачий слышен на десять переулков. А в октябре: дождь идет, как дьякон утром с перепоя в церковь на обедню, и ночи пахнут лошадиным потом. — Ночь. Бани. Октябрь. Первый снег западал с вечера. Первая метель. В первый снег утром, — мягко тикают часы, по-зимнему, и за окном, на березе должна кричать сорока, осыпая снег с ветвей. Ночь. Метель. Бани: холодно в бане, в бане нет часов. Дьякон с котом на печи.

Дьякон: Господи! Слова дай, слова дай, господи!

Дьякон от семьи в баню переселился, от мира в баню ушел, поселился с котом, хотя учить стал справедливости, дьякон стихи писать начал. Господи, как изяснить все, как найти слово, чтобы мир поставить иначе?! — Мальчиком по садам лазил; обогтусом поступил в управу, в писцы; водку тогда хлестали — он, ветеринар Драбэ, да ветеринарный дворник, на управском дворе песни пели. Председатель управы пенне слышал: этим и определилась карьера в дьяконы, председатель облагодетельствовал дьяконским чином, тут вот у Спаса, что на Житной, у пролаза кремлевского; ветеринар Драбэ все по-прежнему водку хлестал в ветеринарной амбулатории на управском дворе, — у дьякона же дьяконица стала, ребята пошли, водку хлестал с духовенством. Растет жизнь иного дубом, дубом и валится в старости, дуб не русское дерево, другие жизнь свою белой березкой растят, в городе жизни творились — ветлой, осиною, осокой, волчажником, кошачьими слезами, — дьяконова жизнь корявой ветлой, живучей, как лабазная кошка, прошла: раз обломи ветку, сломится, новые отпрыски даст, зарубцуются, два облома паршивую ветлу, сломится, новые отпрыски пустит, — заживет!. В водке зеленые черти и змеи живут: из-за рясы поповской мир тесен, как московский кремль весь в маковках золотых, Четьи-Миней из-за маковок на пол-неба стали — святыми, писанными Прокопием Чириным: в Спасской церкви записи церковные и выписи хранились от семнадцатого века, в истории Карамзина церковь эта и город много раз упоминались; записи от семнадцатого века старые были, на истлевшей бумаге, потрапанные, в них Карамзин подтверждался, дьякон те-традку купил в клеенке, за сорок копеек, переписал

начисто, залихватски, как бумаги в управе; старые записи, как и подлинник, выкинул; в записях о воеводе Никите писалось: склеп под церковью должен был быть, дьякон всю церковь облупил кругом ломом, хода искал, и нашел таки: в поповом погребе дыры проделал, кирпич дьякон разобрал, две каменные гробницы нашел, лазил к гробнице на брюхе; дьякон в Москву, на Софийскую набережную, написал письмо к археологам, чтобы приехали: ему оттуда ответили, — чтоб сфотографировал дьякон гробницы, чертеж и план приложил бы, — лето было, солнце колодось на кирпичях кремлевской стены, погреб батюшка проветривал, — где дьякону подземелье сфотографировать?! — Осень пришла, батюшка капусту рубил, в погреб капусту в бочках ставил, дыру в погребе велел дьякону заложить. И на этом второй раз сломили ветлу, чтоб зарубцеваться ей зеленым водочным змеем. У дьякона борода была в цвет ками, лицо из Прокопия Чирина, и только глаза — не зрачками, а красными веками на синих белках, готовыми лопнуть, — про чертей говорили, про почи и бани. Это уже, капон, что у дьяконов в волосах перины.

Дьякон: Господи! Слова дай, слова дай, господи!..

Этим сломили ветлу последний раз. Как рассказать дьякону? Дьякон от мира в баню ушел, есть ему туда приносили, на лечку забился, слова искал. И такой был злой старичишка, матершинник, задира, распоризжался по дому из бани.

Так. — Вот. —

— Сколько тысяч лет тому назад и как это было, когда впервые доили корову? и корову ли доили или кобылу? и мужчина или женщина? и день был или утро? и зима или лето? — дьякону надо знать, как это было, когда

доили, — первый раз в мире, — скотину. Лес был кругом зеленый, и мурава зеленая, шумел лес. И люди были: мужчины и женщины, с гривами рыжими и с руками, как корень можухи, люди были голые, в овечьих мехах, перекинутых через плечо. Кто же — мужчина или женщина? Каждый в младенчестве сосал молоко матери, но каждого возмужавшего затошнит от женского молока: до того, как впервые доили корову, не знали вкуса молочного. Вот, собачье молоко, говорят, вкусное, а не попробуешь, затошнит дьякона. Как же впервые стали доить, когда тошнит, — кто же? Женщина, должно быть, для ребенка, должно быть, и тошнливо женщине было, должно быть, ибо, как бы томилась женщина, если бы ее доили? И корову ли доила в первый раз женщина или кобылу? Татарин конину любит, а дьякон не может конину есть — тошнит. Доила женщина, должно быть, тогда — кобылу. В тот день пришел вечер, и солнце садилось на западе, и мальчик играл с жеребенком, и кругом был лес, дубовый, зеленый, шумел лес. Люди были голыми. Никто никогда не узнает, как, когда и где впервые доили скотину. В тот день, по дьякону, произошло „величайшее завоевание человеческого прогресса“. Потом приходили соседи посмотреть, позаимствовать, поучиться, и у той, кто впервые доил скотину, на роже было всеглашее, извечное человеческое, — по-бабы глупое, — самодовольство изобретателя: это, должно быть, могло быть и так. Каждая женщина — мать и любовница: как примирить?

Так. — Вот. —

— Целое тысячелетие, застряв, как застревают от молодости во рту старика желтые клыки, пожелтевшие от старости, страшные, паникадият миру, России, в частно-

сти, люди в ассиро-вавилонских костюмах, России, насквозь прожеванной аржаным,—люди в ассиро-вавилонских костюмах, волосатые, в домах византийской архитектуры, заставленные библиями, апокалипсисами, Четы-Мишеями, иконостасами, ризами, рясами. Монастыри, погосты, приходы, — церковными маковками небо застлали. Скотий бог—Егорий—Георгием Победоносцем помчал, хвост задрал. Патриархи, синоды, епископы, попы, дьякона, староста — пятаками бряцали в выписях, записях, прописях, алтарями, притворами, папертиами.

- Черная дьяконова ряса полами
- разбрыкалась по облакам, в метели.. Метель! Им, неверующим,
- страшно, что есть еще церкви.
- Тысячелетьем из перелеска в лес,

полями, суходолами ползет Россия, прожеванная аржаным, в овчине, с телятами, овцами, лошадьми, коровами, поверьями, приметами, песнями, заквашенными мистикой крови и тем, что каждая баба — любовница и мать одновременно. Столетиями на скамеечках у ворот лузжата подсолнухи, в пестрых юбках баб, а на задворках дзенькает в подвойник молоко, чтобы потом восставать на пятерне, на блюде с пословицей: „Хлеб-соль ешь, а правду режь“, перед ртом, дудочкой сложенным. Валенки, заваленки, плетни, занавески, закуты, юбки, штаны, рубашки, чашки, ложки, коромысла,—запутали мир до бессмыслицы. Три столетия назад, здесь у Спаса, татары проломили стену, пролаз памятником остался,—а воеводу Никиту вновь замурили, ибо надо солить попу капусту! На столетья болотными лихорадками, умственным (от слова „умственный“) навождением, дубьем, стоеросом,

мгновением в вечности, возникают империи, и в трудный час, поэтому люди спасаются копянтником, которого не едит лошади, и желудом дубовым Европа стала на столетие—гуманистом в жилетке и в воротничке, Россия — святым зверем стала—в красной рубашке из-под жилета. Из столетий в столетья, поэмой—возникают паровозы, тракторы, аэропланы, дредноты, радио, аллитеруясь на р. Из столетий — в столетья поэмой,—сохи и бороны пашут: борона тоже рзатаила в себе. Из столетий в столетье эпопеей восстала Россия корягой мужжухи, как руки дикарей, национально-интернациональной властью, святым зверем в пределах народности русской и русской территории: Россия переписала церковные спасские записи с семнадцатого века в тетрадь сорокакопеечную, песни метельные, метелицы, туманы, мги, мги, зги по России Георгий Егорием мчит. А корову (или кобылу?), ведь, доили, ведь, доили когда-то первый раз!.. С божьей помощью, древен мир,—древний, дряхлый, седой,—древен и сед. Ах, какую седую ветлюю, сколько раз сломанною, стал человекий „прогресс“, чорт бы его побрал! Чугунной пятой Аттилы прошел по лицу господин прогресс от первой доевой коровы до колыбелей российских метелиц, ставших корягой, как руки дикарей... И из мути метельной опять восстают паровозы, дредноты, культура.

Дьякон: Господи! Слова дай, слова дай, господи!..

Так.—Вот.—

— Метель. Холодно в бане. Октябрь. За баней—стена кремлевская. За Спасом — базар, ряды торговые. Кремль, базарная площадь, улицы, переулки, тупики, каменные дома, деревянные дома, лачуги, церкви,—там, вверху, в ветре,—воют крестами.

Ночь. Муть. Мгла. Мга. Зги: зги все же видны, синими огнями в черной мути они. В домах: лежанки, голландки, русские печи, железки; в домах коридоры, прихожие, спальни. За городом, за кремлевским обрывом к реке—поля: конским потом пахнет поле по осени, пустынно и мертво ограбленное рожью поле. Первый падает снег. Как—неповторяемого—не повторить Пушкина? „Мчался тучи, выются тучи. Невидимкою луна освещает снег летучий. Мутно небо, ночь мутна“... Впрочем, не было луны; впрочем, были не только муть, но и мгла, и мга, и зги.— Город был. И как не рассказать,—нерассказываемое,—о том, как в метелях, в снегу, в вое ветра, в мчании, скачке и пляске—

— (я близорукий, на очки снег палипает, очки леденеют, а без очков: я не вижу или вижу одну лишь зеленую муть, бьет снег по открытым глазам, из мути вдруг вырастают снежинки, все теснее и больше, чем сеть и жмуришься, и надо руки вперед протянуть, а дома, а церкви, а ветер, а снег—над тобою склонились. Выше, выше!)

— в метелях, в снегу, в вое ветра, в мчании, скачке и пляске —

— вдруг —

— возникает:—

— абсолютный покой, тишина, неподвижность, недвижность, — недвижность—в стремлении неистовом. Это — гипотеза вечности. Это мне — революции, здесь мне ползет и Китай, и „баба с мордовским лицом“: в скачке, плясании, свисте — вдруг каменная баба с мордовским лицом. Все мы умрем, конечно, оставшись истории мордвою.

— Маляновская дяконова ряса—но облакам, метели—разбрыкалась полами!
— мне, неверующему, страшно, что есть еще церкви.
— А дякона нет уже в бане, ибо дякон, конечно, ведьмедь!..—

Сын: Папанька! дров тебе принести! Вишь, как метет-то. Замерзнешь!

Дьякон: Пошел вон, сукин сын!

Сын: Вот вы, папанька, какой! Богу, говорите, предались, в баню запрягались, а сами ругаетесь, как старый хрыч... Маманька велела сказать строго-на-строго, что не топимши вам здесь оставаться нельзя, чтоб дурака не валяли, в избу шли почевать.

Дьякон: Пошел вон, сукин кот!

Сын: Вот вы, папанька, какой!.. Ежели я сукин кот, то вы, стало быть, самый главный котиче!

С печки к двери от дякона к сыну пролетели: валенок, картошка вареная, мочалка, кирпич..

Глава вторая:

Камертон—охотничьим рогом.

— До-до! до-сол! до-дооо!..

В городе хоронили общественного деятеля. Это было давно. За гробом шла толпа. Общественный деятель был просто зубным врачом из местных купцов; за гробом шли те, у кого поредели зубы от щипцов и словопрений зубного врача. Гроб несли по Рязанской (теперь Ок-

тябрьской) улице. Земские начальники, Еруслан Лазаревич Кофин и Ипполит Ипполитович Воронец-Званский, ночью пьянствовали на вокзале, утром возвращались на одном извозчике с девочками вчетвером домой.—Процессии встретились на Рязанской улице у заставы; у заставы стоял городской, и, растерявшись, крикнул городской похоронной процессии, глазами вепря:

— Своорачивай! Вишь,—господа земские начальники едут!.. — потому что ехали господа земские начальники „неудобно выпимши“, а несли—зубного врача из купцов или (сложнее) купца из зубных врачей — неудобно мертвого!..

Охотничьим рогом:

— До-до!.. До-соль! до-дооо!

Еруслан Лазаревич, конечно, кличка, — ф действительности:

Лазарь Иванович Кофин.

Время действия—революция.

Место действия—город.

Действующие лица—врачи, педагоги, дамы.

„Товарищам третейским судьям — от ветеринарного врача Сергея Терентьевича Драба.

(Судьи: Белохлебов Николай Иванович, врач; Крайнев Матвей Андреевич, педагог; супер-арбитр—Воронец-Званский, Ипполит Ипполитович, народный судья).

„Я знаю два факта.

„Первое. Моя жена, Аня Сергеевна, передала мне: во

вторник, 17-го, на уроках в гимназии, в большую перемену, ворвались к ней очень возбужденные Галина Глебовна Кофина и Роза Карловна Гольдиндах, и обе просили оградить их честь. Они хотели сначала идти бить меня, но потом раздумали, обратились к моей жене и рассказали ей следующее: в спектакле, который предполагался, должны были участвовать я и Роза Карловна; ее муж, Лев Семенович Гольдиндах, протестовал, не желая, чтобы Роза Карловна играла со мной, а когда Роза Карловна отказалась, он принял „решительные меры“ и рассказал Кофиным, что я в Березняках, при нем и при докторе Белохлеbove, говорил о связях Галины Глебовны и, в частности, о моей с ней связи, и что в Березняках у Гликерии Михайловны хранится— „вещественное доказательство“ — письмо мое к Гликерии Михайловне, где я отрицал семейные устои; при этом, уже кроме того, что я говорил о связи с женщиной, Галина Глебовна клялась честью, что я, говоря о моей связи с нею,—врал;—одновременно с этим Лазарь Иванович сказал, что я сообщил ему о том, что целовался с Луниной и Розой Карловной, при чем Лазарь Иванович привел даже разговор мой о Розе Карловне, где я, сказав, что целовался, добавил, что могла произойти и связь, если бы не делал подразделения еврейских женщин на евреек и жидовок, — при чем: все, что я говорил,—заведомая ложь. Кроме того, я говорил Лазарю Ивановичу, что не уважаю женщин, что всякую женщину я могу заставить мне отдаться и, в частности, если бы я захотел, мог бы овладеть Марьей Васильевной Белохлебовой. Кроме того, я, якобы ухаживая за Галиной Глебовной, одновременно писал стихи и дочери ее, Варе.

„Второе. Лазарь Иванович пришел к доктору Белохле-

бову (должно быть, после воскресенья, пятнадцатого?) и сказал ему, что мною переданы ему, Лазарю, возмущившие его вещи, что я изнасиловал Лунину, целовался с Розой Карловной, и что он, Лазарь, решив оградить честь женщины, реагирует и т. д., — подробностей я не знаю, ибо доктор Белохлебов мне рассказал вкратце. В частности, о письме к Гликерии Михайловне: доктор Белохлебов слышал от Гликерии Михайловны, что она и не знала, как много во мне хорошего, и что письмо это — объяснение в любви.

„И я почел долгом своим вызывать Лазаря Ивановича на третейский суд, — почему Еруслана Лазаревича, это будет ясно.

„У меня есть два факта — это то, что Галина Глебовна и Лунина пришли объясняться к моей жене, и что Лазарь Иванович пришел плакать в жилет совершенно постороннему человеку — доктору Белохлебову, — и есть содержание этих фактов. Оценку этим фактам и их содержанию должен дать суд.

„Я должен говорить о содержании фактов.

„1) Лев Семенович Гольдицах передавал, что я недостоин отозвался о жене Лазаря Ивановича — Галине Глебовне, и что я говорил о связи с ней. — Да. Помните, что говорил. Да, у меня была связь с Галиной Глебовной, и есть сему доказательство, хоть она и отрицает факт. Да, я повторю вел себя, сказав об этом.

„2) Жена передала мне, что я сообщил Лазарю Ивановичу, будто я целовался с Луниной и Розой Карловной; доктор Белохлебов передал мне, что я сообщил Лазарю Ивановичу, будто я целовался с Розой Карловной и изнасиловал Лунину. И это неправда, потому, что я не говорил

этого Лазарю Ивановичу. У меня не было даже с ним разговора о Луниной, но был разговор о Розе Карловне. Я колеблюсь, передать ли его или нет, но, кажется, должен. В пятницу, тринадцатого, утром, я заходил к Лазарю Ивановичу, мы вместе были у часового мастера и затем шли: он — в воинскую комиссию призываться, я — в амбулаторию. С Лазарем у меня установился тон вести порнографические разговоры, я точно не помню, как разговор пришел к Розе Карловне, кажется, со спектакля (от которого до этого я отказался) к тому, что мы вместе приходили и вместе возвращались с репетиции, — и Лазарь Иванович совет вал мне поухаживать за Розой Карловной, я упомянул о муже ее, Льве Семеновиче. Лазарь нашел это неважным, — и — да, — и пустился в философию о еврейках и жидовках. И это все. Я колебался передать этот разговор потому, что я совершенно бездоказателен, и поэтому пользуюсь оружием Лазаря Ивановича.

„3) Лазарь Иванович говорил, что я не уважаю женщин. — Очень возможно; должно быть, это так. Должно быть, я и говорил ему, что всякую женщину можно заставить отдаться: главным образом, так говорил о женщинах с Лазарем Ивановичем, ибо, как сказал уже, мы с ним вели только порнографические разговоры.

„4) Стихи в альбом к Варе и письмо ко Гликерии Михайловне будут функционировать на суде, суд увидит, что на меня клеветают.

„Я сказал все так, как я знаю. Ту вину, что я принял на себя, — пусть осудит суд. Самый тяжелый для меня пункт второй, ибо это клевета. Передо мной два варианта: в первом исходную роль играет: спектакль, во втором — возму-

щение Лазаря Ивановича; в первом я целовался с Луниной, во втором я ее изнасиловал; в первом я подрывал семейные устои письмом в Березняки, во втором — адресатка нашла во мне что-то хорошее, третьим же вариантом будет подлинник письма.

„Я разберусь в каждом варианте отдельно.

„Если бы не было спектакля, господин Гольдиндах не взревновал бы и не рассказал бы о Березняках, Лазарь Иванович не рассказал бы о Розе Карловне и Луниной, Галина Глебовна не рассказала бы о том, что связи со мной у нее не было, и о стихах к Варе,—и, стало быть, моей жене не был бы устроен скандал, когда дамы собирались сначала идти бить меня, но, подумав, пошли к ней. Это было во вторник, 17-го, а за шесть дней до этого, в среду, 11-го, я отказался принимать участие в спектакле,—куда же выпали эти шесть дней, за которые я дважды встречался с Кофиным, в пятницу утром и в воскресенье, вечером, у Белохлебова, за преферансом. — Ведь, если Лев Семенович вынужден был говорить о Березняках, он, стало быть, говорил до среды, одиннадцатого и, стало быть, та или иная реакция должна была быть, по меньшей мере, в пятницу, когда я заходил к Лазарю Ивановичу.—По здравому обсуждению—надо было устроить скандал жене, женщине, т.-е. бить в самое интимное — и затем: и Гликерия Михайловна, и Анна Сергеевна (Гликерия Михайловна — потому, что я ей написал, Анна Сергеевна — потому, что я —подорвал устои) и Галина Глебовна, и Лунина, и Марья Васильевна, и Роза Карловна и—даже! — Варя! — все! оклеветаны мною!...

„И я прошу прочитать любовное письмо ко мне Галины Глебовны Кофиной, чтобы установить истину моих слов. Я

прошу прочитать мое письмо к Гликерии Михайловне, чтобы установить истину. Я прошу прочитать стихи в альбоме у Вари, чтобы установить истину.

„И я должен сказать, что было пятнадцатого, что краем уха слышал тогда же доктор Белохлебов, что побудило меня сейчас вызвать к суду Лазаря Ивановича. Пятнадцатого вечером, за ужином у доктора Белохлебова, Лазарь Ивановичу показалось, что я сказал на ухо доктору что-то недолжное про Лазарево семейство и, в подвыпитии, я называл его все время Ерусланом Лазаревичем, — и после ужина, наедине в другой комнате, Лазарь Иванович мне заявил, чтоб я не смеялся над ним, что его общественное положение и мое — „две разницы“, что я дождусь, что он сделает скандал так, что меня изгонят из общества. Мы с доктором Белохлебовым успокоили Лазаря Ивановича, а когда доктор отошел, Лазарь Иванович убеждал меня, чтобы я не думал, что он, будучи женат двадцать лет, не изменял жене. Я ответил ему что-то такое, что я не сомневался, что и он, и жена его, Галина Глебовна, в этом деле преуспевают.

„Это было пятнадцатого. Для меня ясно, что все, что было, было создано Кофиными, чтобы устроить мне скандал, как предрекал Лазарь Иванович. Вдохновительницей, конечно, была Галина Глебовна, с тем, чтобы замести свои проделки. Было мобилизовано все против меня, одни невинности, инсинуированные и оклеветанные мною, до Вари включительно, и до жены, в частности.

„Я копчил и жду слова товарищей-судей.

Ветеринарный врач Сергей Драбэ“.

Камертон — охотничьим рогом:

— До-до! до-соль! — до-дооо!..

На донья морские опускаются люди в колоколах: под колоколами домов, за трубы спущенных с неба на землю, в городе, люди — Еруслан Лазаревич Кофин, ветеринар Драб, доктор Белохлебов, дамы, прочие, — люди болтались языками колоколов в домах. Метель над городом: муть, мгла, мга, зги, — „мчатся тучи, выются тучи“. Людями—

— комментировать:

ибо

в метели —

А б с о л ю т н ы й п о к о й .

Так.—Вот.—Так.—

— Двухэтажный колокол дома на Большой (теперь Красной) улице прикрыл Кофина, Еруслана Лазаревича (внизу в доме была парикмахерская „Козлов из Москвы“: Лазарь Иванович всю жизнь там брился бесплатно, в революцию уже по старой памяти о своем прежнем земском начальничестве). Двуспальная кровать во втором этаже, в дальней комнате: сколь много играет в жизни людей — кровать. Еруслан Лазаревич на двуспальной кровати всегда спал один, Галина Глебовна спала где угодно, но не в двуспальной кровати. Ведь знал Еруслан, как все знали, что — с кем не спала в городе Галина Глебовна Кофина, — с тех пор, давно, когда жизнь танцевала от винта в коммерческом клубе, а там в клубе отплясывал венгерки сибиряк Никитин, швыряя с о т е н ы м и, чтоб казаться потом ф а л ь ш и в о м о н е т ч и к о м, и совсем не Никитиным, и чтоб на суде тогда выступать — в Варшаве — Галине Глебовне — свидетельницей-любовницей. А он, Еруслан Лазаревич, земский начальник, любил выпить в хорошей компании, хорошо закусить, поговорить по душам о

задачах интеллигенции, называя ее золотой арфой, — и он л ю б и л Галину Глебовну, и ленты в белье Галины Глебовны после стирки вдевал—он же! Золота арфа!

— Молчать бы, молчать! Никто не откроет Америки новой. И он солгал тогда Драб: для него была свята двуспальная — пустая — кровать. Драб: Драб пил водку, пел песни и — где Америка, что вот неделю назад ходила Галина—в ветеринарную амбулаторию ночью, — через заборную щель. Еруслан видел, как ушла она оттуда, должно быть, прогнанная. Лев Семенович Гольдиндах — не отдавал еще жены другом, не открыл еще старой Зеландии, быдлом не подставил еще голову под страдания—и Колумбом поставил лицо:—

— вечер был, чай пили, Еруслан Лазаревич чай разливал: Галина Глебовна штудировала роль для спектакля, — Лев Семенович: влетел, разорвался, в шубе уселся за стол, возбужденно съел порцию еруслановой смоквы.

— „Я пришел поговорить серьезно. Когда мы были в Березняках у Гликерии Михайловны, ветеринар Драб о нас, Галина Глебовна, говорил всякие мерзости, что вы были с ним в связи“.

Ах, кто же, кроме Галины, знал, что Галину п р о г н а л Драб, и кто, кроме Галины, знал, что Роза, жена Льва Семеновича, была—Драб?—И это Галина сказала тогда Льву Семеновичу о том, что Драб болтал (тут же при Лазаре придумано было), болтал—Лазарю Ивановичу говорил Драб, что целовался с Розой Карловной. Лев Семенович не отдавал еще никогда другому жены, — Еруслан знал это. — И вечер был, и чай был, и спирт за ужином, и номер „Исторического Вестника“ за девятый год болтался на столе. Лев Семенович

вовня сходил за Розой Карловной, вместе коротали вечер и обсуждали, как реагировать. — Роза Карловна плакала, возмущенная, что целовалась, юлила, клялась, Галина Глебовна многоопытно кошкой играла с неопытным блудом Розалии: — Как им обоим итти давать пощечины Драбэ, когда Драбэ любовник обеих? — Ну, конечно, надо итти и защиты просить у жены! —

Разговор после ужина с водкой был по душам, об золотой арфе. Было очень уютно.

Колоколом дома прикрыта кровать Еруслана Лазаревича, и это к нему пришла ночью Галина Глебовна, очень нежная, в розовых лепточках, вставленных Ерусланом, чтоб говорить о мерзостях Драбэ. Богатырь такой, Еруслан Лазаревич — ленточки вставляет! и — как ему не раздавить, не уничтожить — Драбэ?! — Лазарь Иванович одевался всегда в сюртучек плюс манжеты плюс шевелюра с поэтической холкой. А дома — а дома привешены за трубу к небесной тверди.

Метель.

Муть, мгла, мга, зги.

Так. — Вот. —

— Драбэ судьям бумагу и „письма Галины“ принес, похотел, покурил и ушел. Судьи рядили, как им судить? — Ведь в „письмах Галины“ были — и „Галия“, и „твоя“, и „целую единица десять нулей раз“, — было, как в письмах и к судьям, как же гласить это обществу? Судьи судили, как им рядить? — Еруслан принял суд вдохновенно. —

— И к Еруслану пошел Белохлебов. —

— Путь Белохлебова: улочка в заборах, в скамейках у калиток, церковная ограда, площадь, памятник жертв октябрьского восста-

ния против торговых рядов, улица в булыжниках мостовой, в домах из камня, каждый, как гроб, — и всюду, конечно, воронье на ветлах. Костюм Белохлебова: бекеша из верблюжьего сукна и треух с красным крестом. Характер Белохлебова: круглый, деревянная мягкость от добродетели. Идея в Белохлебова: рационалистическая добродетель — помирить Драбэ с Кофиным, хоть и мерзавец Драбэ.

— Я к вам на минуту, Лазарь Иванович. Простите, спешу. Надо вам помириться. Я говорю вам, как друг. Будем этикровенны. Простите, что касаюсь столь интимного. — Ш о п о т о м: — Понимаете, Драбэ приложил к делу письма Галины Глебовны, письма к нему, ну, понимаете... Это, конечно, нечестно. Н - но — понимаете, — скандал на весь город.. Н - но — Драбэ, конечно, вправе пред'явить материал... — Погромче: — Простите, что касаюсь. Я говорю вам, как истинный друг.

Лазарь Иванович одевался всегда в сюртучок плюс манжеты плюс прическа с поэтической холкой. Лазарь Иванович — в сумерках, до чая — слег в двуспальную свою кровать, сняв сюртучок и манжеты. У Лазаря Ивановича с Галиной Глебовной была семейная сцена, громкая до визга. Визжал Лазарь Иванович.

Лазарь Иванович в истерике:

— Ты, ты, ты! Я не могу даже честно реагировать! Галина Глебовна в самогипнозе:

— Ты, ты, ты, урод!.. Трус! погубил мою жизни!

— Что же паскудные письма на показ выставлять?

— Ты, ты, ты... Письма? письма... Какие письма?..

— А те письма, что ты писала скотолечебнику!

— Что-о? Письма Драбэ? — Ложь!

— Мне Белохлебов их показал...
— Ах, негодяй! Негодяй: относилось, конечно, к Драба.

— И Розины письма тоже принес?
— Нет, Розу он не желает паскудить.

Путь Белохлебова: улица в булыжниках мостовой, в домах из камня, как гроб, а всюду, конечно, воронье на ветлах
Костюм Белохлебова: бекеша, треух, благополучие и довольство всем содеянным в жизни.

Встреча: Воронец-Званский. Бу-бу-бу.

— Николай Иванович, вы?

— Воронец?

— Он самый. Откуда и куда?

— Собственно, из дому и домой.

— Полагаю, маршрут надо изменить.

— Почему?

Ипполит Ипполитович Воронец-Званский сумрачно в сумраке расстегнул пальто и показал из бокового кармана — из вылезшего лисьего меха — бутылку. Воронец ткнул пальцем в бутылку, погрозил ей, сказал:

— Регардили? Галки или вороны, не знаю — усердствуют очень. Интеллигентная птица. Кричит и тоску наводит. Не переносу. И весной и осенью тоску по вечерам разводит. Услышишь и почувствуешь, что подлец ты своей жизни и блоха на земле. Идем к Драбу в амбулаторию: он еще добавит...

— Неудобно. Я ведь сторона Кофина.

— Ерунда! Я ведь супер-арбитр.

— Ну, пойдем, что ли.

Пошли.

Вот. — Так.

— Город осенний. Осенние сумерки опустошают города, точно выпут из города воздух: с улиц, оград, дереулков одни лишь картонки стоят плохого художника. Драба и ветеринарная амбулатория на управском дворе. Жил сто лет назад дворянин Озеров, а в городе, чтобы не жить здесь, дом себе поставил архитектуры амфиной с флигелями, конюшнями, садом, фонтанами. В шестидесятых годах разорились дворяне Озеровы, продали дом новому тогда земству; в главном доме земство управу поместило, фонтаны в саду к чертям полетели, двор травкой зарос, по флигелям (флигеля из двенадцати строены были, хоть и крыты тесом) разместились: библиотека, бесплатная земская скотолечебница, сельско-хозяйственный склад; заборы каменные остались, хоть и не являли мальчишкам препятствий к земскому саду; революция в Озеров дом, в старое земство — вселила уисполком заборы каменные — остались, хоть и не являли мальчишкам препятствий к советскому саду, сад же полили на топливо; сельско-хозяйственный склад вывеску изменил на трудовой сельско-хозяйственный склад, но стоял под замком, по бестоварью. Амбулатории ветеринарной пахнуть следует креолином, первым лошадиным средством, так она и пахнула. Ветеринару пахнуть следует креолином: так и пахнул Драба

РАЗГОВОР ПЕРВЫЙ. Белохлебов: „Куда тут?“
Воронец: „Вот-вот, направо или налево. Вылезли?“
Белохлебов: „Ну и темнотища, — наворотили!“
Воронец: „По стенке валийте, Николай Иванович, оно спокойнее для физиономии“. С неба за трубы флигель, как колокол, спущен, чтоб болтались люди языками; с потолка на цепи лампа-молния спущена, чтоб освещать стол в

Клеенке, сосновые стены из двенадцатника, кресла, диван, стулья и прочее без пожек, еще от Озеровых.

ДЛИННЫЙ РАЗГОВОР: Драбэ: „Недоумеваю! Когда кот увидел однажды, как люди, он и она, ухаживают друг за другом, он сказал:—Недоумеваю! почему это делают не на крыше?! Не-до-уме-ваю!“ Воронец: „Представляю. Драбэ. Ветеринар, лошадиный доктор, поклонник красоты; археолог, герой наших девиц, дам, кухарок и легенд. Дворянин“. Китти Лунина: „Земляной человек! Я его так зову! — Знаете, Белохлебов, он леший. Я разговаривала с Кузьмой, и он сказал, что он знает заговоры... Земляной человек!“ Драбэ: „Отроковица! оставь доказывать всем, что ты ко мне равнодушна, и что ты мне не нравишься“. Китти: „Фи!“ Белохлебов: „А почему вы пришли к такому выводу?“ Драбэ: „Это насчет того, что она мне не нравится, а я ей нравлюсь?“ Китти: „Фи! глупости он говорит!“ Драбэ: „Оставь, о тебе говорят, женщина!.. Seriously. Я часто думал, как тяжело, как оскорбительно быть такой женщиной, да и вообще женщиной! Разговариваешь с ней и чувствуешь, что ломается она, кривляется, говорит глупости, пошлости и требует к себе почтения только потому, что она женщина, потому что ей простят, ибо она — баба, существо физически противоположное мужчине“. Воронец-Званский: „А послушай, а те мужчины, которые попадают на эти удочки, что же — выше стоят?“ Белохлебов: „Да, это серьезная тема“. Воронец: „Нет, пусть Драбэ ответит!“ Драбэ: „Что же, и мужчин дураков много“. Воронец: „Не дураков, а подлецов. И еще скажу: вопрос, что мерзостнее: на удочку попадаться или

удочкой удочку ловить? Ведь, насчет отроковиц и прочую ерунду ты всем женщинам говоришь!“ Китти: „Верно! Молодец, Званский! Молодец!“ Драбэ: „Хо-хо-хо!“ Воронец: „Эх, братики, никак вы не поймете, отчего мне выпить сегодня захотелось. Вчера лег — галки, сегодня встал — галки, или вороны, не знаю, вечером решил, что грачи. Пить идите, готово.“—

Ночь стала над городом, и дождь заморосил. На столе под лампой - молнией: спирт, селедка, помидоры. Октябрь;— у стола: люди в разных позах. Костюм Драбэ: рубашка и шаровары в смазные сапоги взабукву, пахнут ветеринаром, первым лошадиным снадобьем — креолином. Голова Драбэ: как у тех, кто впервые доили скотину, вся в волосах и глаза из волос наивно глядят. А Китти, а Китти: девятнадцать лет. Дождь идет медленно (дождь, оказывается, ходит), как дьякон с перепоя к заутрене, дождь капает с черного неба, а ночь черно-лиловая и пахнет конским потом, ветер шатается пьяницей, и вновь вложена в землю душа, круто заварена ржаная — ночи — каша, на конском поту.

ПРОЩАЛЬНЫЙ РАЗГОВОР, в коридоре, без Китти. Воронец-Званский на улице, прощались... ..али, как всегда делают мужчины — улыцы, изби-вали печали, русские, без причины. Белохлебов: „Слушайте, Драбэ... Насчет суда. Вы Галинины письма... неудобно...“ Драбэ: „Брось, Белохлебов. Кому -нибудь одному надо уже в дураках остаться. Я не хочу. Я и так не хожу домой уже целую неделю...“ Белохлебов: „А эта-то Китти, как сюда теперь попала?“ Драбэ: „И жками попала, ножками“.

—Путь Белохлебова или путь слепорожденного, безразлично: глаз выткнуть, ни зги не видать, как у негра в желудке в двенадцать часов ночи, грязь по колено вниз; путь Белохлебова: наощупь. —

И в ту же ночь, поздно ночью в ветеринарную амбулаторию к Драбэ приходила Роза Карловна: — „Это нечестно! Это нечестно!“ — Слезы на древних семитских глазах украсили ночь жемчугами. Роза Карловна рассказала, что рассказала Галине Глебовне. Драбэ ей рассказал, что он написал суду, — Драбэ ее успокоил, и она, Роза Карловна, успокоилась тем, что Драбэ отрекся от нее, сказав, что Кофин клеветает, и она, не раздеваясь, целовала Драбэ так обреченно, и так поспешно, безвольная, спеша домой к мужу. Потом ночью, один, Драбэ долго читал „Старые годы“ — о ханском дворце в Вахчисарае. Дождь хлестал сиротливо, ветер шаркал по дому и под диваном шарили мыши.

Глава третья.

Третейский суд был назначен в квартире доктора Белохлебова. Товарищи третейские судьи собрались в кабинете. В двух разных комнатах, столовой и спальне, сидели стороны, Кофин и Драбэ. Первым вызвали Кофина, Кофин побыл перед судом и ушел. Потом побыл перед судом и ушел в свою спальню Драбэ. Затем их позвали обоих, и супер-арбитр строго предложил сторонам помириться, и стороны пожали друг другу руки. Доктор Белохлебов пригласил всех в столовую выпить по рюмке водки перед винтом с выходящим.

А над городом шла метель. Как, — неповторимого, — не повторить Пушкина, о том, что ветер вольный „всю жизнь провел в дороге, а умер в Таганроге?“ Да, но город не

был даже Таганрогом. Снежные космы, — первая была октябрьская метель, — лизали жухлую землю, выли, стонали, мчались (снег оказывается, стонет). Метель, метель, метель! Муть, мгла, мга, зги. В домах лежанки, голландки, русские печи, железки. Первая мчит метель, — первая, первая. Как не рассказать — нерассказываемое — о том, как в метели в снегу, в вое ветра, в мчании, — в скачке и пляске — вдруг возникает: —

- абсолютный покой,
- неподвижность,
- недвижность,
- тишина, —

баба с мордовским лицом.

Я близорукий, на очки снег налипает, очки леденеют, а без очков: я не вижу или вижу одну лишь зеленую муть, бьет снег по открытым глазам, из мути вдруг вырастают снежинки, все темнее и больше, чем есть, и смежаешь глаза, а надо руки вперед протянуть, — а дома, а церкви, а ветер, а снег над тобою склонились. Выше, выше! — черная (или лиловая?) ряса, — дьяконова, — по облакам в метели.

- Пасс.
- Пикендрасы.
- Червунцы.
- Малый шлем...
- Так. — Вот. —

— А у Драбэ, — а у Драбэ была жена. Это к ней тогда пришла в школу второй ступени, на уроки, в большую перемену Галина Глебовна и Лунина, — пришли, в

белую зиму спокойствия Анны Сергеевны ворвавшись осенней слякотью. Это она тогда в спокойствии белой зимы сказала дамам, что они направились не по адресу. Это она тогда спокойствием белой зимы передала разговорец большой перемены мужу, чтобы прижать Драба к подушкам дивана, чтоб почувствовать Драба, что он впрямь скотолечебник. У Анны был домик, совсем не под колоколом, домик был белый, там были дети, чтоб нести Анне крест их. Метель, метель, метель. В мути, — в ту метельную ночь, — шел Драба переулочками, закоулочками, всегда в тупике, в первой — в октябре — метели. В белом окне был свет. Постучал. Подождал. Постучал. Свет исчезнул в тени. Свет появился в прорехе для писем в парадном.

— Кто там?

— Это я, Сергей. Пусти, Анна.

— Уходи, негодяй!

Свет исчезнул в прорехе для писем. Больше не было в домике света.

Ночь. Метель. Муть. Нехорошо! Зябко.—

— Охотничьим рогом —

— Золова арфа — метель:

— До-до! до-со-лы до-дооо!..

Глава четвертая.

В семнадцатом веке попы, дьякона и причетники записи писали. Дьякон записи эти нашел через три с половиной столетия. Дьякон тетрадку купил, чтоб переписать эти записи. В записях дьякон прочел о воеводе Никите, гробницу искал, — летом замуравил ее, когда солнце кололось о кпр-

пичи Кремля, а осенью батюшка замуравить велел дыру, потому что надо было капусту солить. Дьякон, управским писцом, водку хлестал на управском дворе в ветеринарной амбулатории; в духовном звании дьякон водку хлестал уже с духовными лицами; с батюшкой дьякон жил в пререкательстве, дьякон был остролов, батюшка был меланхолик, вдвоем водки не пили, но у купцов по приходу чин заставлял их быть вместе, и, выпив, дьякон шутил над духовным своим начальством, и батюшка мстил: в церкви богослужили лишь в праздники и под праздники, в будние дни не богослужили, а каждый раз батюшка мстил одним и тем же манером, и каждый раз дьякон попадался в расплохе: с пиров, от купцов, где выпивавший дьякон шутил, потихоньку уходил батюшка и, вернувшись на Спас, говорил звонарнице: — „Звони!“ — Звонарница звонила к вечерней, и пьяненький дьякон от купцов через весь город, рясу в руки забрав, мчался домой, чтобы богу служить, едва держась на ногах, в пустой церкви пред недоуменно заблудшей старухой. Растет жизнь иного дубом, дубом и валится в старости, — растут жизни иных ветлою, осиною, осокой, волчажником, — больше ветел на свете, чем дубов и берез! чтоб рубцеваться повсюду и возрастать на песке колом, воткнутым в землю, — впрочем, ветлы бывают иной раз — бамбуком. Революции много рубцов нарубила на разных бамбуках, — попово древо крепко уперлось в рубцевальню народной стихии: у батюшки жена ушла в полюбовницы к комиссару, в городе девичий монастырь разогнали, и батюшка — в полюбовницы взял монашенку.

— Ночь. Бани: холодно в бане. Дьякон с котом на печи, в тулуне и блохах. Первый падает снег, первый метель.

Март или октябрь — все равно: мартовской метелью прошел октябрь по земле. В первый снег утром — мягко тикают часы, по-зимнему, а за окном мальчишки в снежки играют. Дьякон от мира в баню ушел, откуда командовал домой. Слова искал, в баню взял с собой одного лишь кота. Кота дьякон учил праведной жизни — не есть скоромного; дьякон и кот ели лишь постное: дьякон — хлеб и картошку, а кот — картошку и свеклу. Кот был очень смиренен.

Ночь. Мрак. Воет метель.

Дьякон: Кто еще там?

Драба: Это я, Сергей Терентьевич. Мимо проходил, вспомнил о тебе, дьякон. Мудришь?

Дьякон: Мудрю.

Драба: Ну, а вымудрил что? Я к тебе, дьякон, по делу... Надо водку пить бросить и баб. Нехорошо, дьякон. Починишь, как мы с тобой под церковью копались, старину искали? — дураки говорят, что по-умному жить надо. Стихия, брат, биология.

Дьякон: Помню. И брось, — баб, то-есть. Вот мне надобно знать, кто на земле первый доил скотину, — баба или мужик, и корову или кобылу? Ох, до чего наворотил дьяволы, в миру.

Молчание.

Дьякон: Баба, надо полагать, доила, то-есть, — для ребенкa. И тоскливо же бабе было доить! чай, все думала: — ну, а как вдруг меня подоят?!

Драба: Это ты правильно, дьякон. Тоскливо. Только доил-то, наверно, мужчина. Ну, какая же баба далась бы доиться? — неестественно. Ей и в ум не пришло бы доить. Это, должно быть, парни впервые проделали — от озорства.

Дьякон: Что о? от озорства? — от озорствааа?

Драба: Ты что обрадовался? Кобыленку какую-нибудь, а поймали бы девуку — девуку стали доить бы...

Дьякон с печи сполз, кот с ним вместе прыгнул. Дьякон стал перед Драба.

Дьякон: Стало быть, и весь мир от озорства? Нет, постой, объясни, как же так? — и кобылу? — от озорства!.. А я-то, а я-то, — бабу жалел, — от озорства!.. хо-хо-хо! хи-хи-хи-хи!.. От озорства!

Драба: Мудришь, дьякон. Впрочем, и люблю тебя, что мудришь. Понимаешь, кончил институт, теперь все забыл. Женился, любил жену, жена прогнала от себя. Дураки говорят, а я не знаю — умна жизнь или полезна, а смерть — глупа или вредна. Полагаю, глупо быть умным. Понимаешь, корягой, дубьем, стоеросом жил. Ломиться надо корягой. Революция миру коряга. Не-до-уме-ва-ю, почему не на крыше?

Дьякоп: От озорства, хии-хи-хи! Революция миру коряга!.. А я-то, — а я-то!..

Кот у дьякона картошку и свеклу ел, вегетарианцем был. Дьякон руками махал перед Драба, кот у двери во мраке прижался. Когда Драба, уходя, дверь в метель отворил, кот-вегетарианец из бани стремглав полетел, хвост поджав пособачьи, с разбега в забор уперся, очумело вскочил на забор, с забора махнул на кремлевскую стену, оттуда на крышу к попу. Кот, ни разу не выдавший мяса, конину в чулане учуял у дьякона. Пожалеть кота надо, — кот с рычаньем на мясо набросился, мяукал неистово и мясо сожрал: во-семь фунтов, — и кота не видали больше — ни в чулане, ни в бане, ни на заборах: кот вообще со Спаса убрался.

Утро в тот день пришло в баню снятым молоком, окна банные стали, как бумага, в которую когда-то заворачивали сахар. Утро пришло в баню в тот день—белым морозом, алмазами белыми на стенах и углах. Дьякон в рясе сидел на нижней ступени полка, локти уперши в колени и щеки вложивши в ладони,—и глаза— не зрачками,— а красными веками на лиловых белках, готовыми лопнуть, говорили — чорт знает о чем. Темно было в бане и холодно, дьякон сидел неподвижно,—дьякон не видел алмазов, метелью насаженных в окна. За баней снег заскрипел от шагов.

Сын: Папанька, замерз? А знаешь, у отца Алексея, у Сатюшки нашего,—сын родился—от монашки. Ночью монашка сына родила!

За баней снег заскрипел от шагов, в баню—квашнею—дьяконица ввалилась.

Дьяконица: Отец! Кот у тебя? Кот конину сожрал, — восемь фунтов. Дознаюсь, чей кот!.. Восемь фунтов! Твой-то кот у тебя?—Вот учил, вот учил, а он конину,—пол-задней ноги!

Сын: Маманька! А у отца Алексея—от монашенки—сын родился, девять фунтов, здоровый!..

Дьяконица: Что-о? А где кот?.. Мать Гликерия сына родила?..

Дьякон сидел неподвижно. Дьякон поднялся с нижней ступеньки полка. Дьякон крикнул громчайше:

— От озорства!.. Не-до-уме ва ю!.. от озорства!..—от озорства!..

Дьяконица: Баааа-аюшки!..

Дьякон: Кот убег. Кот сожрал восемь фунтов конины. А Гликерия девять фунтов родила. От озорства!.. Матка, беги.—

Васька, беги, сукин кот!—желаю записаться в Российскую коммунистическую партию большевиков и служить буду верой и правдой. Желаю из бани выйтись!

—Сворачивай! Видишь,—господа земские начальники едут!.. Дьякон три дня отсыпался после бани, спал, как из ведра.

Глава пятая.

Метель. О-го-го! метель!

Это было так. Перед окном стоят стройные елочки, там, дальше, огородный пустырь, за огородом река, как свинец в осеннем дне, река изгибается крутой лукой, и на той стороне, на луке, на холме стоит белый дом, среди старого парка. Этим домом к реке выпер город. Сумерки грузились тем свинцом, которым паковали чай, земля была черна и безмолвна, стройные елочки стали у моего дома, пихты у того дома на луке,—и в небе.— Памиром в пасмурный день, горами —строились громады туч. Тучи были зимние. Тучи по шли снеговыми полчищами. Тучи распределяли свинец, чтобы ему победеть. На дворе с громом хлопнула калитка, — первый вестник,—и под окном полетели листья, бумажки, стружки, снова громко упала калитка, ветер сплеча уперся в дом. И сразу кинуло снегом на черную землю. Дюна принесла дров, грохнула на пол.—„Замело, замело-то, не видать ни-синь-пороха!“—Что же.—Метель! Ого-го, метель! Кресло—к печке, книги те, что в пыли, в углу, на полу. Ветер-гуляка одним мехом без клавиш в гармонику дует, — снег на землю пошел деловито, объясняться с землею в делах. Стройные елочки—синие, белый снег и—ни-синь-поро

ха.— „То, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя,— то, как путник запоздалый, к нам в окошко застучит“

— Никакого путника я не жду.

— „Дров принесите, Домаша, побольше. А спать завалюсь в восемь часов. Самовар приготовьте“.

Снег снеговыми мехами землю покрыл, окна посизели позимнему, часам тикать позимнему, по-метельному, по-метельному врукопашную с домом пойти ветру и по метельному дому на ночь об'ершиться. Самовар в восемь часов свил свою вереву, чтобы в печке углям стать парчевыми. В пыльной книжке написано о старых колоколах, о Корноухом—угличском, о московском Ивана Великого, о прочих знаменитых колоколах,—и решил, что метель, главным образом, вот—гудит по-звериному, зверем, которого нет. А потом—почь. Дому—ершом стать в метели, ворчать, хрипеть, скрипеть по-стариковски, сердито—хранить тепло свое и меня.

А ночью—глубоко за полночь—к вою ветра, к шумам и крикам метельным—вшлись в них дубасы в окно, у дверей, в водопроводную трубу: „То, как путник запоздалый, к нам в окошко застучит“. И сквозь форточку—из метели—в метель в белом белье я услышал бас товарища Воронова:

— Гей, товарищ Борис, отпирайте!

— Это пришли коммунисты из белого дома на луке: этим домом в метель выпер город. Товарищ Елена кричала в метели:

— Метель! Мы гуляем. Разве можно уснуть такой почью! Метель!

В дом, со снегом, с метелью, с морозом ввалились веселые люди. Дом—старый хрыч—занумел, загудел, завзвел

в этажерке посудой от тяжелых—по половицам скрипящим—шагов товарища Воронова.

А за домом метель—замела, завывала, закружила, кивнула в белую бучу снегов.

— Го-го-го-го! Метель.— Это Воронов.

— Товарищ Борис, милый философ! Над землею метель, над землею свобода, над землею революция! Как же можно так спать? Как хорошо! как хорошо!—Это товарищ Елена.

Товарищи Павлов, Собакин, Агапова—враз и по-разному запели разные песни. Товарищ Воронов басом—Орешиным—перекрикнул метель:

Или—воля голытьбе,

Или—в поле на столбе!.

— Ого-го! Метель!

Товарищ Елена стиснула руку: вперед, без дороги, в белую бучу метели! Ничего не поймешь—жердь огородная, что ли?—канава?—жердь огородная, снег холодящий по поясу: конечно, поэзия, конечно, поэма. Здесь на минуточку встать,— подождать остальных, как повалится в яму,—и не выпустить руку из рук.

— Милый, товарищ Борис! Какая метель; как хорошо,— как хорошо!

А потом всем стоять,—как волчья стая в метели обсуждать,—

— вот мелькнула папаха Павленки и исчезла за снегом, а соседка—Елена—видна лишь по поясу—по поясу вросла в белую муть, а Собакин овеял теплом от дыхания, вырос громадой больше, чем есть, и Елена, и я полетели в холодную снежную мягкость.

Обсуждать:

— Реку на мост в обход обходить или плыть через реку на лодке, пробивая по ломкому льду себе путь.

— И решили: на лодке.—Лодку, как сани, тащили на лед и под лодкою рухнул ледок. На середине реки не было льда, там шло сало,—аах, как ветер кружил в белой мути!—и пристали на той стороне далеко от места, где надо пристать. В парке ветер с деревьями шел в рукопашную.—Метель! Ого-го! Метель!

— Милый, милый товарищ Борис!

— Милый, милый товарищ Елена!

— Как хорошо! Свобода, метель!

— Ка-ак хо-ро-шоо!..

В белом доме—колонный зал. В колонном зале горит пыльная свеча. Почему губы женщины всегда горьковаты и рассвет идет мертвецом?! Там, за окнами ночью была метель. Утро пришло синим мертвецом. Нету метели. Снег лежит покорно. В белом зале—белый свет, по-зимнему идут часы. В белом зале ненужную свечу я потушил.

Ну, вот:

— снег лежит покорно, там за окнами была метель,—

— по городу идет

будничный советский день.

Скучно. Будни. Рабочий день. „Соединенное заседание наробраза и здравотдела“. „Сводки декретов, статбюро и продкома“. „Разъяснения центра“. Цифры, цифры, цифры,—цифры всегда белые, сухие и меняющиеся. Люди в кожаных куртках, незнакомые, бог весть откуда, с диалектом: жомгосоор, рабила, начэвак. Прибавочная стоимость, пар-

тийные директивы. В каждой комнате по железке, жарко и дымно, а у железки барышня щиплет лучины.

„Рабкрин не утверждает смету Здравотдела, отношение из центра № 50007. Секция Соцкультуры приготовила доклад, где в резолютивной части... Ордер улескома лежит третью неделю, нет дров“.

Кожаные куртки, папахи. Руки надо греть у железок. Новая экономическая политика,—необходимо разобраться, как из бесконечных противоречий получается система практики, логически согласованная,—чем? „Надо учиться заново—вот у них, у „нижних чинов“. Очень скучно. Лица под папахами—очень скучные, как будни. Товарищ Воронов сворачивает махорочный крючок, руки не слушаются,—и на короткае закуривает его от железки.

— Примите телефонограмму. „Всем культотделам предлагается строго согласовать свою деятельность с политпросветом, который организует сексокультуры“. Распоряжение из центра.—, По данным статбюро учащихся в уезде столько-то, обутих из них 20%, т.-е. столько-то. Чрезвычайном по борьбе с безграмотностью обучено столько-то взрослых, осталось столько-то, т.-е. 47 процентов. На приварок детям в школах отпущено столько-то пудов овса и воблы. 10% школ не приступают к занятиям из-за отсутствия стекол в Республике“.

— Станция?—барышня, станция?—Дайте мне пожалуйста фарпод санотдела.

День белый, день будничный. Утро пришло в тот день синим снегом. Скучно. Советский рабочий день. А оказывается этот скучный рабочий день и есть—подлинная—революция. Революция продолжается.

<p>С. ФЕДОРЧЕНКО НАРОД НА ВОЙНЕ</p> <p>ВЫБОРОДА ДОГОНЕР № 81 ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОГОНЕР МОСКОВСКИЙ К. ВОЛКОВ</p>	<p>ЭРИХ МЮЗАМ ИЗБРАННЫЕ СТИХИ И РАССКАЗЫ</p> <p>ВЫБОРОДА ДОГОНЕР № 82 ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОГОНЕР МОСКОВСКИЙ К. ВОЛКОВ</p>	<p>В. САВИНКОВ В ТЮРЬМЕ</p> <p>ВЫБОРОДА ДОГОНЕР № 83 ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОГОНЕР МОСКОВСКИЙ К. ВОЛКОВ</p>	<p>С. РЕШЕТОВ В СТАРОМ ПОДЪЕМЕ</p> <p>ВЫБОРОДА ДОГОНЕР № 84 ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОГОНЕР МОСКОВСКИЙ К. ВОЛКОВ</p>
<p>БОРИС САВИНКОВ ПОСЛЕДНИЕ РАССКАЗЫ</p> <p>ВЫБОРОДА ДОГОНЕР № 85 ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОГОНЕР МОСКОВСКИЙ К. ВОЛКОВ</p>	<p>АЛЕКСАНДР АРНУ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ КРЕСЛО</p> <p>ВЫБОРОДА ДОГОНЕР № 86 ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОГОНЕР МОСКОВСКИЙ К. ВОЛКОВ</p>	<p>И. КРЕПЮКОВ МИКИША</p> <p>ВЫБОРОДА ДОГОНЕР № 87 ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОГОНЕР МОСКОВСКИЙ К. ВОЛКОВ</p>	<p>МИХ. ПРИШВИН</p> <p>ВЫБОРОДА ДОГОНЕР № 88 ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОГОНЕР МОСКОВСКИЙ К. ВОЛКОВ</p>
<p>В. ВЕРЕСАЕВ</p> <p>ВЫБОРОДА ДОГОНЕР № 89 ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОГОНЕР МОСКОВСКИЙ К. ВОЛКОВ</p>	<p>ЭМИЛЬ ЗОЛЯ ПРАЗДНИК В КОВКИЛЕ</p> <p>ВЫБОРОДА ДОГОНЕР № 90 ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОГОНЕР МОСКОВСКИЙ К. ВОЛКОВ</p>	<p>С. БУДАНЦЕВ ЭСКАДРИЛЯ ВСЕМИРНОЙ КОММУНЫ</p> <p>ВЫБОРОДА ДОГОНЕР № 91 ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОГОНЕР МОСКОВСКИЙ К. ВОЛКОВ</p>	<p>ВАЛКА МАТЭ РАССКАЗ О ВЕНГЕРСКОМ СОЛДАТЕ</p> <p>ВЫБОРОДА ДОГОНЕР № 92 ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОГОНЕР МОСКОВСКИЙ К. ВОЛКОВ</p>
<p>МИХ. ЗОЩЕНКО ДОМОРЯСЛИВЫЕ РАССКАЗЫ</p> <p>ВЫБОРОДА ДОГОНЕР № 93 ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОГОНЕР МОСКОВСКИЙ К. ВОЛКОВ</p>	<p>В. В. ДЖЕКОС ВЫСЕЛЕНИЕ ПОЛИЦЕЙСКОГО</p> <p>ВЫБОРОДА ДОГОНЕР № 94 ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОГОНЕР МОСКОВСКИЙ К. ВОЛКОВ</p>	<p>БОРИС ГУСМАН ПОЭТЫ ПЯТЬ ХАРАКТЕРИСТИК</p> <p>ВЫБОРОДА ДОГОНЕР № 95 ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОГОНЕР МОСКОВСКИЙ К. ВОЛКОВ</p>	<p>И. БАБЕЛЬ ЛЮБКА КОЗАК</p> <p>ВЫБОРОДА ДОГОНЕР № 96 ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОГОНЕР МОСКОВСКИЙ К. ВОЛКОВ</p>

<p>С. ФЕДОРЧЕНКО НАРОД НА ВОЙНЕ</p> <p>ВЫБОРОДА ДОГОНЕР № 81 ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОГОНЕР МОСКОВСКИЙ К. ВОЛКОВ</p>	<p>ЭРИХ МЮЗАМ ИЗБРАННЫЕ СТИХИ И РАССКАЗЫ</p> <p>ВЫБОРОДА ДОГОНЕР № 82 ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОГОНЕР МОСКОВСКИЙ К. ВОЛКОВ</p>	<p>В. САВИНКОВ В ТЮРЬМЕ</p> <p>ВЫБОРОДА ДОГОНЕР № 83 ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОГОНЕР МОСКОВСКИЙ К. ВОЛКОВ</p>	<p>С. РЕШЕТОВ В СТАРОМ ПОДЪЕМЕ</p> <p>ВЫБОРОДА ДОГОНЕР № 84 ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОГОНЕР МОСКОВСКИЙ К. ВОЛКОВ</p>
<p>БОРИС САВИНКОВ ПОСЛЕДНИЕ РАССКАЗЫ</p> <p>ВЫБОРОДА ДОГОНЕР № 85 ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОГОНЕР МОСКОВСКИЙ К. ВОЛКОВ</p>	<p>АЛЕКСАНДР АРНУ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ КРЕСЛО</p> <p>ВЫБОРОДА ДОГОНЕР № 86 ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОГОНЕР МОСКОВСКИЙ К. ВОЛКОВ</p>	<p>И. КРЕПЮКОВ МИКИША</p> <p>ВЫБОРОДА ДОГОНЕР № 87 ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОГОНЕР МОСКОВСКИЙ К. ВОЛКОВ</p>	<p>МИХ. ПРИШВИН</p> <p>ВЫБОРОДА ДОГОНЕР № 88 ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОГОНЕР МОСКОВСКИЙ К. ВОЛКОВ</p>
<p>В. ВЕРЕСАЕВ</p> <p>ВЫБОРОДА ДОГОНЕР № 89 ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОГОНЕР МОСКОВСКИЙ К. ВОЛКОВ</p>	<p>ЭМИЛЬ ЗОЛЯ ПРАЗДНИК В КОВКИЛЕ</p> <p>ВЫБОРОДА ДОГОНЕР № 90 ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОГОНЕР МОСКОВСКИЙ К. ВОЛКОВ</p>	<p>С. БУДАНЦЕВ ЭСКАДРИЛЯ ВСЕМИРНОЙ КОММУНЫ</p> <p>ВЫБОРОДА ДОГОНЕР № 91 ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОГОНЕР МОСКОВСКИЙ К. ВОЛКОВ</p>	<p>ВАЛКА МАТЭ РАССКАЗ О ВЕНГЕРСКОМ СОЛДАТЕ</p> <p>ВЫБОРОДА ДОГОНЕР № 92 ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОГОНЕР МОСКОВСКИЙ К. ВОЛКОВ</p>
<p>МИХ. ЗОЩЕНКО ДОМОРЯСЛИВЫЕ РАССКАЗЫ</p> <p>ВЫБОРОДА ДОГОНЕР № 93 ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОГОНЕР МОСКОВСКИЙ К. ВОЛКОВ</p>	<p>В. В. ДЖЕКОС ВЫСЕЛЕНИЕ ПОЛИЦЕЙСКОГО</p> <p>ВЫБОРОДА ДОГОНЕР № 94 ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОГОНЕР МОСКОВСКИЙ К. ВОЛКОВ</p>	<p>БОРИС ГУСМАН ПОЭТЫ ПЯТЬ ХАРАКТЕРИСТИК</p> <p>ВЫБОРОДА ДОГОНЕР № 95 ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОГОНЕР МОСКОВСКИЙ К. ВОЛКОВ</p>	<p>И. БАБЕЛЬ ЛЮБКА КОЗАК</p> <p>ВЫБОРОДА ДОГОНЕР № 96 ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОГОНЕР МОСКОВСКИЙ К. ВОЛКОВ</p>

Т-ВО
„КОНТРАГЕНТСТВО ПЕЧАТИ“

Цена **15** коп.

ПОДПИСКА НА БИБЛИОТЕКУ «О Г О Н Е К»

Еженедельно ОДНА книжка:

1 мес.—50 к., 3 мес.—1 р. 50 к., 6 мес.—3 р., 1 год—5 р.

Еженедельно ДВЕ книжки:

1 мес.—1 р., 3 мес.—3 р., 6 мес.—5 р., 1 год—10 р.

Москва, Тверской бульвар, д. 26, телеф. 5-51-69.

Издательство «ОГОНЕК».